

Приступая бросить несколько строк на достойные подвиги российских войск у блокады в папских владениях крепости Анконы, первым вкратце опишу сию твердыню. Крепость сия выстроена на выдавшемся в Адриатическое море мысу, мыс сей образует залив, по оконечностям одного два возвышения, на которых устроены две из первоклассных крепостей, одна с другой связанная каменною прочною стеною, внутри оной весь город помещается. Гавань - искусною рукой сделан мол, который защищает от бурных ветров стоящие в ней корабли. Мол сей укреплен в два яруса пушками, внутри оной к воротам Римским и Синегальским на воде выстроен карантин вокруг с каменною стеною, укрепленной пушками. Пристань на моле, вход с оной в город в мраморные ворота, сооруженные в честь императора Трояна, при возвращении его от берегов Долмации, после одержанных им там знаменитых побед. После сего остается наблюдателю сказать какую должно иметь армию блокировать крепость, на которой находится более 700 пушек разного калибра.

По взятии крепости Корфу, адмирал Ушаков отправил на моем бриге главнокомандующего французскими войсками на Ионических островах генерала Шабо с его штабом, и частью гарнизона на 8-ми купеческих кораблях, под моим конвоем для отвоза в Анкону. Я исполнил сие благополучно и успел вымерить, в пять дней моего пребывания в Анконе, глубину гавани и вход в оную. В сие время ушедший от Корфу французский корабль "Женеро" возвратился в Анкону - он отсюда за 10 дней [до] моего прибытия отправился в Брандичи [Бриндизи] в Неаполитанское королевство, чтобы отвлечь союзные войска от Неаполя, но точная Брандическая крепость пустила первое ядро и убила капитана одного Жолье. Сего французы считали на море точно так, как Наполеона в армии. Он своим искусством избежал от англичан в Нильском сражении, и возвращаясь оттуда в Корфу на водах Кандии взял английский 50-пушечный корабль и привел с собою. Я, возвратившись в Корфу, подал адмиралу мои замечания, план крепости, гавани и промер глубины последней, по сему-то я и назначался к сей крепости два раза.

Записка, веденная флота лейтенантом Ратмановым при блокаде и действиях [против] крепости Анконы и эскадры, пред оною состоящей из Российских и Турецких кораблей и прочих судов.

Первая экспедиция отправлена в мае 1799 года под командой контр-адмирала Павла Васильевича Пустошкина, состоящая из двух 74-х пушечных российских кораблей, одного брига, мною командоваемого, 1-го корабля и 2-х фрегатов турецких. Сия эскадра пришла к Анконе в начале июня месяца и, не ложась на якорь, тотчас атаковала мол и гавань и нанеши повреждения неприятелю отошла на пушечный выстрел [и] остановилась на якоре.

Через два дня увидели идущее под берегом судно от стороны Сенигалии. Адмирал прислал ко мне вооруженных два баркаса, приказав мне с бригам прикрывать оные и взять идущее судно. [Напротив этого абзаца на полях приписка:] сию статью можно поместить в прошении когда буду подавать о призах.

Я тотчас снялся с якоря. В то время из гавани вышли до 10-ти неприятельских канонерских лодок для защиты видимого судна. Я тотчас отправил баркасы взять судно, сам вступил с неприятелем в бой и, прогнав его в гавань, держался под парусами на пушечный выстрел до тех пор, покуда баркасы привели ко мне взятое судно, называемое «Требин» и названное нами «Св. Константин». Оно принадлежало французам и тут же вооружено двумя пушками и с выгодою употреблено на службу при флоте.

После сего, на другой же день эскадра, оставя при блокаде Анконы 1 корабль, снялась с якоря и отправилась к Пезари, которое место занято было австрийскими гусарами. Подходя к Фано увидели по дороге от Сенигалии несколько неприятельской артиллерии. Я получил приказание подойти ближе к берегу, и подойдя к оному достаточно было обратить их в бег несколькими картечными выстрелами.

А к вечеру эскадра остановилась на якорь у Пезари, а на другой день свезли на берег десант из матроз, морских батальонов солдат и турок. Здесь к нам присоединились 40 человек австрийских венгерских гусар и до 5000 вооруженных итальянцев, командуемых прелатом. С рассветом другого дня войска наши под командой морских батальонов майора Гамена выступили к Фано, а я получил повеление прикрывать оные с морской стороны. Неприятель не разсудил защищать сего города и отступил в Сенигалию. Тут, сделавши суточный роздых, на рассвете выступили к Синегалии. Неприятель вознамерился защищаться, войска наши передовые под командою капитана Чебышева атаковали стену города и взошли тотчас на оную. В тоже время я, остановясь на шпринге, бросал из полукартаулей бомбы. Неприятель недолго защищался и, оставив город, отступил по Анконской дороге. При атаке городской стены капитан Чебышев был ранен не опасно.

Сии наши успехи остановлены были внезапным происшествием. Адмирала Ушакова уведомил адмирал Нельсон, что французский и испанский флоты из Кадикса вошли в Средиземное море, и просил, чтобы Ушаков, соединив весь свой флот, содействовал с ним обще к истреблению неприятельского флота, почему адмирал Ушаков и предписал контр-адмиралу Пустошкину со всеми силами немедленно возвратиться в Корфу. В исполнение одного в ту же ночь все наши и турецкие войска перевезены на эскадру, которая благополучно и прибыла в Корфу. А в начале июля месяца от Нельсона получено уведомление, что неприятельские флоты вошли в тулонскую гавань, где английскою эскадрою блокируются. Почему адмирал Ушаков назначил к Анконе другую экспедицию, состоящую из 3-х 50-ти пушечных российских фрегатов, моего брига, 2-х турецких фрегатов и командуемом греком собственным своим кораблем, названным «Суворовым».

Хотя сия новая экспедиция и отправилась из Корфу 6-го июля, но за противными ветрами не могла прежде подойти к Пезару, как 17-го, где тотчас десантные войска были свезены на берег, а 18-го числа атаковали с сухого пути и с моря город Фано, в котором находилось отборного французского гарнизона до 700 человек, под командою отличного полковника Шевалье. Я с бригом, в самом ближнем расстоянии от города, бомбардировал

оний. Неприятель поднял белый флаг, я получил от командующего эскадрой графа Войновича [приказ] отправиться в крепость для заключения капитуляции, что мною немедленно и исполнено. Она состоялась в том, что все унтер-офицеры и рядовые, положив оружие, остаются военнопленными, а комендант и все офицеры на честное слово отправлены во Францию, с тем чтобы во всю войну ни с нами, ни с нашими союзниками не воевали. Сие меня [сделать] понудило более потому, что главнокомандующий в Анконе генерал Монье с большими силами спешил на помощь, и когда уже наш флаг на бастионе был поднят, тогда и Монье показался на возвышениях и увидя, что все уже кончено, возвратился в Сенигалию. Здесь, как эскадрой, так и десантом командовал капитан 2-го ранга граф Войнович, а 21-го назначен командовать десантными войсками капитан-лейтенант Мессер. За успешное мое содействие при Фано я всемилостивейше награжден орденом Св. Анны 3 степени в шпаге.

22-го [июля]. Войска выступили к Сенигалии. Я с бригадом, пользуясь благополучным ветром, прибыл в Сенигалию гораздо ранее сухопутных войск, и увидя французскую кавалерию в городе, начал бомбардировать, отчего неприятель, оставя город, выступил в Анконские ворота и начал строиться в форштате. Я немедля подошел к оному и несколько картечных выстрелов достаточно было [чтобы] прогнать неприятеля, который и ретировался по дороге к Анконе. Узнавши же, что ни одного неприятеля в городе не осталось, я тотчас на вооруженном баркасе въехал в реку Сенигалии, вступил в город, поставил караул к воротам Анконским, срубил древо вольности, снял неприятельский флаг с оного и тотчас отправил рапорт к графу Войновичу и нарочно к капитан-лейтенанту Мессеру, просив его [чтобы он] как можно [скорее] поспешил к Сенигалии. На крепости нашел 4-е 24-х фун. пушки, заклепанные неприятелем, которые вскорости были расклепаны, [и] две пушки, сброшенные неприятелем за крепость.

24-го[июля]. Десантные войска выступили из Сенигалии. Я, прикрывая оные до местечка Фьемизино, содействовал нашим войскам к поражению неприятеля, который и отступил к Анконе.

25-го [июля]. Я откомандирован в Сенигалию для вооружения флотилии, почему набрав 10-ть рыбацких лодок и два требакула, сделавши на оных плац-формы, поставил с эскадры на каждую лодку по одной 24-х фунтовой медной пушке, а на требаке по две. А 1-го августа, по повелению графа Войновича, я отправился начальствовать десантом со стороны Монте—Гордетто, где присоединился ко мне генерал Лагоц, у которого было иррегулярного войска до 6000 человек. По соединении моего небольшого отряда стали действовать наступательно и подходить ближе к крепости. Российских же у меня матроз и солдат было 100 и турок 100, то [к] сему малому количеству людей, на которых была единственная опора, требовал о присылке еще оных, и 6-го получил 80 человек турок. С сею-то так сказать горстью людей я удерживался от неприятельских сильных вылазок и, защищая три батареи и редут, неоднократно делая сам на неприятельские вылазки свои и каждый раз, прогоняя его в крепость, возвращался с победами. Спал и жил на передовой Мариинской батарее в продолжении 69-ти дней. Соединясь с Лагоцом, в два дня опрокидывая неприятеля и вогнав оного и с сей стороны в крепость и сделав коммуникационную линию с Мессером, устроили большой редут на круглообразном возвышении и впереди, пониже оного, на удобных местах 3 батареи: Мариинскую, Елизаветинскую и Константиновскую. Пушки на оных поставлены были с эскадры 24-х фунтового калибра медные, а также и два единорога для бросания бомб и 48 фунтовая мортира.

20-го августа французы сделали сильную вылазку и по местному положению подошли под самые батареи, почему препоруча оные охранению генерала Лагоца, с русскими и с турками сделал вылазку с батареей и, ударив неприятеля во фланг в штыки, опрокинул оного и вогнал в крепость. Неприятелей осталось на месте 19 человек и нескольких унесли с собою в крепость. Тогда, сделав отбой, возвратился в батареи, но четыре человека матроз, в жару своего воображения и думая, что уже неприятель совсем побежден, на плечах неприятеля ворвались в крепость. Ворота неприятели затворили, но взять храбрых не могли, покуда все не получили по несколько ран, тогда их взяли и

отправили в госпиталь. К чести генерала Монье можно сказать, что сей славный воин ежедневно сам наведывался о пленных и все прилагал старание о их излечении. Трое выздоровели и по взятии Анконы возвращены, четвертый же из лучших матрозов моего брига, матроз Нежинов, до тех пор защищался, покуда не получил 8 ран, тогда был взят и на третий день умер.

21-го [августа]. Французы, в немалом количестве, сделали вылазку и посланными от меня охотниками турками и несколькими русскими обращены в крепость.

28-го [августа]. В ночь неприятель сделал вылазку и, с потерю нескольких людей, прогнан в крепость.

29-го [августа]. По полудни неприятель сделал вылазку и по обыкновению прогнан в город.

1-го сентября неприятель делал довольно сильную вылазку, но с уроном был прогнан.

4-го [сентября] неприятель делал вылазку и по привычке прогнан в крепость.

5-го [сентября]. Сего числа турецкий чиновник явился ко мне и привел с собою до 80-ти человек турок, объявляя, что он никак не хочет служить под командою Мессера, а мои приказания в точности выполнять будет. По сему случаю я рапортовал графу Войновичу, от которого и получил предписание включить их на порцию и иметь в моей команде. Граф Войнович соображая, что неприятель делает на мою сторону сильные вылазки, на присоединение сих был более согласен и потому, что сии охотно подчиняли себя моему начальству.

18-го [сентября]. Неприятель сделал большую вылазку под командою коменданта. Онный уверял генерала Монье, что он трусит горсти русских и турок. Он шел на наши батареи храбро на картечные выстрелы, его остановили перед батареями на возвышении. Турецкий чауш Ибрагим просил моего позволения с охотниками [из] турок атаковать неприятеля саблями и пистолетами. Неприятель остановлен был на некотором возвышении и не мог заметить вылазки турок. И [они] подошли к возвышенности, ударили в сабли, все

опрокинули, Ибрагим схватил коменданта, но возвратившиеся солдаты отбили. Турки еще на них напали, чауш в другой раз схватил коменданта и видя, что его живого отнять не может, заколол его кинжалом. В это время получил он рану в ногу и упал. Турки к нему подоспели, многих перерубили, но французы унесли тело коменданта. При сем неприятель потерял до 38 убитых, турок убито три, 9-ть ранено. В сие время в обеих сторонах пушки замолчали. Раненые турки, лежа на земле, защищались саблями.

24-го [сентября]. Была неприятелем сделана вылазка и прогнана.

28-го [сентября]. Тоже была вылазка и тем же кончилась.

29-го [сентября]. В ночи, в бурное время, неприятель сделал сильную вылазку и бросился на батарею Елизаветинскую, которую и взяли. Команда, которая была на оной и офицеры присоединились ко мне на батарею Мариинскую, неприятель пять раз врывался в амбразуры и столько же раз был опрокинут. Тогда я сам сделал вылазку и опрокинул совершенно неприятеля. В сие же время неприятель с упорством приступал к батарее Константин[овской], которую защищал достойный сотрудник и друг мой генерал Лагоц. И в ту минуту, когда я опрокидывал неприятеля и по всей линии сделалась его ретирада, ружейный выстрел нанес незабвенному Лагоцу смертельную рану, который на третий день и умер на рассвете. Найдено неприятельских тел более 70-ти.

3-[го октября] прибыли австрийские вспомогательные войска и расположились позади наших батарей и редута, около 8000 человек под командой фельдмаршала лейтенанта Фрелиха.

9-го [октября]. Получил от графа Войновича повеление, чтобы оставя на батареях пушки, артиллерийского офицера и канонир, а с прочими возвратиться к Мессеру и, сдав их ему, немедленно отправиться в Сенигалию и там принять канонерские лодки.

А 10-го числа, выполняя предписание, приехал в Сенигалию. Не могу наверное сказать, но кажется, что приятнейшего сна и спокойнейшей ночи никогда не имел и иметь не надеюсь, ибо во все сие заботливое время не имел лучшего ложа, как платформы, постель — плащ, подушка — пушечное колесо, а весьма роскошное — пук соломы.

12-го числа по утру пришел к анконской гавани. Последний фрегат, по причине бурливых погод, отправился в Триест, а граф Войнович перебрался жить на берег, недалеко от наших батарей.

18-го [октября]. В ночи сделана мной с лодками атака гавани, которая продолжалась до двух часов, при сем неприятельский линейный корабль затоплен.

21-го [октября]. Идущее в Анкону купеческое судно «Гортон» с богатым грузом, мной взято. С двумя пушками и 8-ю французами оно отправлено в Триест с мичманом Шостоким. Его признано добрым призом и продано за 42000 гульденов. Деньги положены для хранения в страховую камерц-компанию купцу Эстерейхеру, до решения нашего правительства..

22-го [октября]. Французы сделали вылазку на сторону Монто Гардетто и взяли у австрийцев две батареи. Оставленный на оных констапель Деянов защищал третью, Св. Марию, до тех пор, покуда от стороны Мессера не пришел сикурс с капитаном Сытиным из 200 человек, и принудили французов ретироваться в крепость. В сие время Деянов убит.

3-го ноября. На оное число, в ночь, из анконской гавани вышел бриг. Я тотчас снялся с якорей и погнался за оным. Догнав, стоило не много выстрелов взять оный, укомплектованный французскими войсками с паспортом генерала Фрелиха. Капитана и депеши отправил с мичманом Пискулем графу Войновичу. Бриг «Боона-Сорте» с 18-ю пушками нагружен разных цветов бумажной пряжей и признан добрым призом, который обращен в военный.

На 4-е число, в ночи, вошла флотилия в анконскую гавань, и на рассвете на моле, в карантине и на всех судах подняли российские, австрийские и турецкие флаги. Расставя караул по два и по 1-му человеку, препоруча наблюдение порядка лейтенанту Цамутали, сам на катере отправился с рапортом к Войновичу в главную его квартиру, стоящую позади батарей Мессеровых. В сие же утро, по сделанной австрийцами капитуляции, французский гарнизон со всем вооружением, с пушками и с нагруженными фурами, отправился во Францию, который провожала австрийская кавалерия. И там получил известие, что генерал

Фрелих своими войсками снял всех часовых, лейтенанта Цамутали арестовал, флагов не спуская до вечера, а на другой день поднял австрийские и разбойническим образом похитил все то, чем труды и опасность долженствовали вознаградиться.

Сия знаменитая и достославная блокада тем более славна, что французский гарнизон был отличный, генерал Монье известен по неустрашимости, опытности своей. Сильные вылазки, деланные ими на мои батареи отражены со славой, имея под моей командою сначала 100 человек русских и 100 турок, впоследствии прибыли еще около 80 турок. Войска же под начальством Лагоца не образованные и только вспомоществовали нам тем, что занимали передовые посты. Неприятель был доведен до совершенной крайности и по зависти венского кабинета, или яснее сказать Тугута, гарнизон анконский избавился [от] постыдного плена и со славой возвратился во Францию. И правильно за сей поступок австрийцев государь император Павел Первый прогневался и прервал дружбу его с неблагоприятною нациею, и сия нация вскоре после сего происшествия по заслугам наказана на равнинах Морейских [Маренгских].

Как уважили французы австрийцев можно заключить из следующего. Вступя австрийцы на место моих 280 человек с 8000 регулярного и на вид славного войска, французы сделали вылазку и, вероятно, австрийцы были бы совершенно разбиты, если бы российский констапель не удержал их стремления до прихода российского сикурса из двухсот человек состоящего. После, когда австрийцы делали переговоры, в то время сходились под крепостью русские офицеры с французскими, и последние убедительно упрашивали не помогать австрийцам. Без вашей помощи, - говорили они, - мы австрийцев искрошим как капусту. Бессмертный Рымникский навел страх и трепет на храбрых республиканцев, что они считали совершенно русских непобедимыми.

К сему донесению графа Войновича в рассуждении австрийской политики можно изъяснить и изложить подробнее и как участвовавшего в сей достопамятной блокаде. Генерал Фрелих по направлению Тугута, бывшего тогда первым министром австрийским, который, завидуя славе героя Рымникского, против которого уже и повел свои ковы, а

чтобы вернее забрать всю Италию в противность воле российского императора, которого единственное желание было восстановить в Европе прежний порядок, - и венский кабинет начал действовать, а чтобы удалить героя севера из Италии, долженствовало с российскими войсками проникнуть через Альпы к Цюриху и там разрушить армию генерала Массены; австрийцы, обещали выставить лошаков для чудо-богатырей; в годы стремившийся и поседель в войнах прибыл [Суворов] к подошве Готарда, где не было обещанных лошадей; Тугут обдумал хорошо, что сколько-нибудь отнять славы Италийского (а может быть, и другие виды Тугута к сему побуждали), но Суворов не затруднялся никакими препятствиями, и орлы Севера без помощи друзей неверных быстро перелетели пропасти и горы и на каждом шагу сплетали новые лавры непобедимому, которого император Павел послал спасать царей и царства. Конец сего удивительного перехода всем известен и герой возведен на высшую ступень – генералиссимуса.

В сие то самое время Тугут действовал со своим поклонником Фрелихом на дела Анконы, и не мудрено с горстью русских сделать такое незаконное насилие, и желая пожать чужие лавры, заслужил и тот и другой народное проклятие, ибо от сего происшествия разрушался союз между Россией и Австрией. Но правосудие божие наказало за измену. Битва при Маренго, потерянная австрийцами, и одним почерком пера потеряли и всю Италию, которую тотчас французы и заняли, но как наша эскадра находилась еще в Анконе, то во все наши завоеванные 84 города не вступали, объявля, что оных не займут до тех пор, покуда русские не оставят берегов Италии; как скоро эскадра наша отправилась с королевою Обеих Сицилий в Триест, то на другой день из Пезаро вступили в Анкону французские войска и по заслугам Фрелиха выслали из города не так-то учтиво; и по письмам, мною получаемым из Анконы в Корфу, уведомляли, что французы отобрали у него и то, что он взял от них при анконской капитуляции. Однако ж я сему не верю.

Контр-адмирал Ратманов

[P.S.] Генералиссимус, отправлявшись из Петербурга в Италию, сказал: «Я не боюсь французов, а боюсь австрийцев». Великий гений все предвидел.